

После занятий Чжао Инлинь в ярости перехватил его снаружи учения — в неприметном уголке. Лицо его пылало гневом и болью от предательства. Скрипя зубами, он вцепился в отворот его одежды и закричал:

— Как ты мог?! Я из лучших побуждений позвал тебя на поэтическую встречу, а ты за моей спиной донес моим дедушке с бабушкой! Я... а я еще считал тебя хорошим человеком! Ах ты!..

Хотя Цуй Се держали за ворот, а перед его носом махали щуплым, костлявым кулачком, он сохранял невозмутимость, подобающую образованному человеку, и спокойно спросил:

— Старший брат Чжао, сколько листов иероглифов ты сегодня написал? Сколько десятков страниц выучил наизусть? А за сочинение господин Линь поставил тебе много кружков и галочек?

Чжао Инлинь уже готов был пустить в ход кулаки, но эти слова подействовали на него как ушат холодной воды. Худой костлявый кулак застыл в воздухе и бессильно опустился.

— Вчера дедушка, бабушка, отец и мать по очереди читали мне нотации! — с обидой и досадой прошипел он. — Сказали даже, что напишут старшему брату, чтобы тот прислал письмо с выговором! Я от чистого сердца пригласил тебя на поэтическую встречу, а ты со мной вот так!

Цуй Се спокойно выслушал его, затем поднял руку, взялся за худощавое запястье и мягко, но уверенно отстранил его от своей одежды.

Посмотрев на Чжао Инлиня, он искренне произнес:

— Брат Чжао, не спеши гневаться. У моего поступка были веские причины. Не хочешь зайти ко мне в гости?

Чжао Инлинь отвернулся и холодно фыркнул. Цуй Се поправил отвороты халата, произнес: «Прошу», — и первым вышел из школы.

У ворот их уже поджидали слуги из семьи Чжао. Увидев выходящих мальчиков, один из них с улыбкой сказал:

— Молодой господин Цуй, отец велел нам встретить второго молодого хозяина и доставить домой. Давайте и ваши вещи понесем: малец Пэн Янь еще мал, а нам лишняя ноша не в тягость.

Цуй Се поблагодарил их, передал сумку с книгами и велел Пэн Яню идти домой готовить чай. Зато слугам он сказал:

— У меня возникли сложности в учебе, хочу попросить совета у старшего брата Чжао. Передайте, пожалуйста, дедушке с бабушкой и почтенным дяде с тетей из семьи Чжао мою просьбу: пусть разрешат ему ненадолго зайти ко мне — почитать книги и разобрать несколько заданий.

Один из слуг замялся:

— В эти дни старшие велели глаз не спускать со второго молодого хозяина и не позволять ему шляться снаружи...

Чжао Куй отвесил ему подзатыльник и отругал:

— Разве молодой господин Цуй чужой? Семья Цуй для нашей семьи Чжао всё равно что родная! — Отрапортовав слуге, он обернулся к Цуй Се и широко улыбнулся: — Проводите его смело, молодой господин! Я прибегу домой, скажу старикам — гарантирую, они только обрадуются и перестанут бранить второго молодого хозяина за то, что тот шатается где не попадая.

Чжао Инлинь, надувшись, ковылял следом, кидая косые взгляды то на Цуй Се, то на собственного слугу, забывшего, на кого работает. Грудь его разрывалась от чувства несправедливости.

И все же он покорно переступил порог дома семьи Цуй, а Чжао Куй шел позади с их сумками.

В главном дворе резвились и бегали двое ребятшек с детскими прическами — сын и дочь печатника из семьи Хуан. Цуй Се ненадолго задержался в проходе и, когда дети отбежали, взяв Чжао Инлиня за запястье, сказал:

— Старший брат Чжао, пройдем в мой кабинет.

Кабинет располагался в пристройке рядом со спальней. В свое время его выбрала матушка Чжан, прорубив отдельную дверь в западной стене. Позже, когда к нему подселились две семьи ремесленников, производивших мебель, Цуй Се воспользовался случаем и заказал для себя огромный книжный шкаф во всю стену в современном стиле и длинный диван, на котором можно было с удобством лежать и читать.

Чжао Инлинь никогда не видел кабинета с такой обстановкой. Переступив порог и углядев целую стену книг, он поначалу обомлел от изумления.

Но, всё еще дуясь на Цуй Се, он не желал хвалить увиденное. Опомнившись, он тотчас придал лицу презрительное выражение и придирчиво заговорил:

— Что у тебя за книжный шкаф? Какой уродливый! Древесина изначально дрянь, да еще покрыта простым тунговым маслом, без резьбы, без изысканных перепадов в конструкции... Да и кто вообще ставит ложе прямо возле стола?! На этом «кушеточном ложе» столяр точно сэкономил твои материалы — оно же чересчур узкое! Нормально не развалишься, спинка слегка заваливается назад... Как ты вообще такое принял? А матрас с подушками — слишком толстые, выглядят топорно. Ткань тоже никуда не годится! У нас дома и простыни, и тюфяки — шелковые, на валиках узоры вышиты, а у тебя на ткани ни единого стежка...

Он намеренно искал изъяны, забраковывая всё, на что падал взгляд, и разнося обстановку в пух и прах. Однако, переведя взор с книжного шкафа на противоположную побеленную стену и увидев прибитое там расписание, он внезапно осекся и потерял дар речи.

На стене, ровно на уровне глаз, висела тонкая дощечка из кедрового дерева с подвижными цифрами — наподобие спортивного табло. На ней крупными буквами было выведено: «До уездного экзамена года Цзячэнь осталось 529 дней».

Три цифры были написаны на перекидных табличках: день прошел — страницу перевернул. Ты своими глазами видишь, как неумолимо приближается день экзамена... От одной только мысли об этом мурашки бежали по коже и охватывала паника.

Чжао Инлинь почувствовал, как вся его обида и спесь развеялись перед этой доской. Жутко перепугавшись, он спросил:

— Зачем ты повесил на стену эту жуть?!

Цуй Се спокойно ответил:

— Потребовалось потому, что я, в отличие от брата Чжао, еще не сдал на туншэна, и мне предстоит уездный экзамен. Точная дата пока не объявлена, так что я веду отсчет от весенних экзаменов — разница всё равно в считанные дни. Старшему брату Чжао предстоит окружной экзамен, у тебя на подготовку месяца на два больше, чем у меня. Но ведь два месяца пролетят как один миг, не так ли?

— Но... но ведь в запасе еще добрых шестьсот дней... — деревянным голосом возразил Чжао Инлинь и с усилием оторвал взгляд от отсчетной доски, но тут же наткнулся на составленный Цуй Се распорядок дня.

«Подъем в час Кролика, утренняя зарядка. В начале часа Дракона — в школу. В перерывах между уроками учителя: повторить сто строк из «Четверокнижия», десять стихотворений из «Ши цзин», прописать двадцать страниц каллиграфии, составить двенадцать вводных тезисов поучений, прочитав по одной главе из «Шу», «Ли», «И цзин» и «Весны и осени». После занятий дома: изучить вводные тезисы из сборников образцовых сочинений, выучить наизусть три древних текста; после ужина — отдых полчаса, затем повторение дневных записей, заучивание наизусть и практика в живописи... Сон — во вторую стражу».

Вроде бы и не такой жесткий график, чтобы вставать до рассвета и ложиться за полночь, но почему от одного взгляда на это расписание кровь стынет в жилах?

Как раз в этот момент вошел Пэн Янь: он принес чай, угощения и книги, а попутно сообщил, что Чжао Куй уже ушел домой. Это вырвало Чжао Инлиня из тяжелого раздумья, и он наконец пришел в себя, освободившись от подавляющей атмосферы надвигающегося экзамена и непрерывного зубрежа.

Гнев, с которым он переступал порог, улетучился без следа. Из последних сил пытаясь спасти лицо, он начал спорить:

— Я никогда так не учился, а ведь сдал на туншэна раньше тебя! К тому же твоя программа вообще составлена неправильно! Почему у тебя нет «Законов» и «Указов»? Почему не изучаешь «Цзи чжи тун цзянь» и «Доклады знаменитых министров прошлых династий»?

Причина была проста: Четверокнижие и Пятикнижие имели определяющее значение, и успех на экзамене зависел от раскрытия тем по классическим канонам, тогда как остальные предметы лишь добавляли блеска и могли подождать.

Цуй Се лишь улыбнулся в ответ и пригласил его присесть за чай.

Диванные подушки были набиты утиным и гусиным пухом, купленным на рынке по три фэня серебром за мешок. Стоило сесть, как ты словно утопал в них — настолько они были мягкими и пышными. Изгиб спинки идеально подходил для тела, а дополнительная пуховая подушка под спину избавляла от необходимости сидеть с выпрямленной осанкой, как подобает этикету, естественно даря чувство абсолютного уюта.

Едва присев, Чжао Инлинь почувствовал легкий укол совести перед этим диваном: не следовало ему хулить его за то, что тот узкий, грубый и обтянут не шелком. Сидя на диване семьи Цуй, с чашкой чая семьи Цуй в руках и перед... старшим братом из семьи Цуй, он просто не мог больше злиться. Пробурчав что-то невнятное, мальчик уткнулся взглядом в пол.

Цуй Се спокойно спросил:

— Старший брат Чжао всё еще злится на меня?

Чжао Инлинь прикусил губу и с досадой вылил:

— Сам-то ты собирался идти, а на меня донес! Знай я заранее, что ты из тех, кто за спиной бегают жалиться взрослым, я... я бы не стал помогать им приглашать тебя!

Цуй Се принял серьезный вид:

— Пойду я или нет — это совсем не то же самое, что твой запрет. Я — сын столичного чиновника. Да и не сложится с учебой — благодаря привилегиям смогу поступить в академию и получить мелкую должность, смогу помогать отцу по службе или же жениться на богатой невесте и прожить жизнь в забавах... Неужели старший брат Чжао хочет сравнивать себя со мной?

«А почему это я не могу с тобой сравниваться?! Ты — сын чиновника, но и у моей семьи есть свои бумажные мастерские и лавки, я не какой-нибудь нищий школяр, не выдавший света!»

<http://bllate.org/book/18372/1761269>